

ЦЕНА 25 КОП.

МОСКВА ★ ИЮНЬ 1932 г. ✦ ГОД ИЗДАНИЯ XI

к-556

№ 17

КРОКОДИЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП (б) „ПРАВДА“

Этот номер „КРОКОДИЛА“
выходит в 4-х изданиях:
основное, московское, ленин-
градское и урало-сибирское

Урало — Сибирское издание

Н. Ротов

ШЕФ ПОЛИЦИИ: — Теперь ясно, что этот Горгулов сумасшед-
ший. Только сумасшедший не согласится на таких блестящих усло-
виях объявить себя большевиком...

Н.Р.32

А. Баженов

БАРЫНЯ (прислуге): — Пулеметы — триста тысяч, газы — двести, орудия — четыреста, и где же еще сорок копеек?

СЕРДЦЕ ОБЛИВАЕТСЯ НЕФТЬЮ...

И КАК, В САМОМ деле, не обливаться ему! Председательствует на митинге северокавказская „Колхозная правда“ — газета безусловно солидная. А выступающие в прениях порют чушь.

Спора нет, митинг необычный. Идет „митинг машин и земли“. Но и подобные митинги надо как-то направлять. Мало, что может сказать какой-либо „кейс“ или недораспаханная борозда! Судите сами.

На трибуну подымается „интер“ с разорванным боком. Переступая со здорового на больное колесо, он хрипит:

— Товарищи, откровенно скажу, — обидел меня старик до боли. Почувствовав слабость в здорвь, я просил его выслушать меня, а он ни в радиатор ногой...

Застучали „кейсы“, „интеры“, „ктерпиллеры“. Захлопали газы из выхлопных труб. Шум. Крик.

— Верно! Правильно!

— Браво!

— Вот это — самокритика!.. Молодец, „интер“! Крой дальше!

— Волна одобрения по адресу „интера“ — сообщает очевидец из „Колхозной правды“, — пригвоздила к позорному столбу старого слесаря Сидорова. Он посмотрел помутневшими глазами на бушующие машины и с позором сполз в сутолку ненавидящих его тракторов...

— Посторонись, посторонись! Прошу слова!

— Ваше слово, — спешит угодливо председательствующий, — ваше слово, товарищ „фордзон“ номер пять-пять четыре, ноль-ноль четыре.

Хромая на все четыре колеса, на трибуну подымается „фордзон“ номер пять-пять четыре, ноль-ноль четыре.

— Товарищи, — начинает оратор тоненьким голоском, придерживая колесом карбюратор, — сердце мое обливается нефтью, когда я подумаю о судьбе, которая ждет меня при первом выходе в борозду, а!

— И я!

— И у меня тоже!

— Целиком присоединяюсь, — кричит с места „фордзон“ номер пять-пять два-три пять-шесть. — У меня тоже обостренное расстройство керосинового бака. А душа — та вообще еле в теле, на одном шплинте держится.

— Позвольте, — пытается оправдаться представитель МТС, — позвольте слово...

Бурные возгласы и треск выхлопных труб: — Не позволим! Не позволим!

Тот же очевидец из „Колхозной правды“ занес в блокнот, а затем напечатал в газете такую достойную реплику по адресу представителя МТС:

— Эй, ты, МТС! Ты нам шарики не крути и очки не втирай! Все оглянулись.

Громяхая своими всеми двенадцатью колесами, к трибуне подходил сам герой реплики — двенадцатиколесчатый вал.

— Стоп, товарищи, — рявкнул вал, — не верьте оппортунистическим ссылкам на объективные причины. Я вам говарю, я, а не кто-либо иной, что генеральную линию...

★

Прекрасный почин „Колхозной правды“, организовавшей первый „митинг машин“, почин, поддержанный центральной „Правдой“, искажен до неузнаваемости. До расстройства всех баков, какие только водятся в „Колхозной правде“.

Газета потеряла элементарное чувство меры, вкуса и чутья. Скоро северокавказские „кейсы“ и „интеры“ начнут цитировать целые страницы Маркса...

— Что „кейсы“! Клячи — и те заговорили на возвышенные темы.

„Поволжская правда“, другая краевая газета, посвящает целую похвальную статью „митингу лошадей“. Статья так и названа: „Митинг лошадей“.

— Я турковский старожил, — начинает Серый, — и в колхозе с самого основания...

Серый горько жалуется на то, что в последнее время кормы стали худы. В колоде пусто. Вмешивается Воронко:

— Ты про обезличку скажи!

Кто сказал, что лошади только овес едят и людей катают? Чепуха!

— Мы, хотя и лошади, — говорит автор статьи, — а все видим, все понимаем.

И в доказательство автор выпускает третьего по счету оратора.

— Наш общий враг, — говорит Гнедко, — это кулачество! Оно сумело пролезть в колхоз и изнутри начало его взрывать. А почему это случилось?

Гнедко делает паузу и пристально смотрит на аудиторию.

— Потому случилось, что оппортунизм и безответственность свили себе прочное гнездо в нашем колхозе.

— Лошади митинговали... — заканчивает лирически автор.

★

„Митинг машин“ и „митинг полей“ предполагают, конечно, известное „оживление“ неодушевленных предметов. И есть уже не мало хороших образцов того, как этого можно достигнуть, не вызывая ни смеха читателя ни возмущения. Как правило же, лучшие митинги проходят в виде отчетов людей за состояние порученных им машин и полей.

И если уж очень охота пошутить и оживить прения, пусть тракторист или старший механик скажет, что у машины „обостренное расстройство керосинового бака“. Убедительнее будет.

Одна из газет Московской области — „Новоторжская“ — домитинговалась вот до чего:

„... При таких, товарищи, условиях, — заявляет поле № 3, — разве можно требовать от меня, чтоб я дало приличный урожай? Конечно, нет. Я считаю себя достаточно взрослым, и из рук меня кормить нечего. Я хочу, чтобы меня питали соответствующими машинами, которые питательные вещества рассеивают равномерно.“

Да, товарищи! Я люблю, когда мне дают хороший уход и питание, и тогда я могу отблагодарить своим урожаем. При плохом же уходе я при всем моем желании не смогу дать больше 1,7 тонны...“

Или другой пример — лирический.

„... Как только солнечные лучи стали пробиваться сквозь толщу снега, обогреть меня на местах, оголенных от снежного покрова, мои хозяева — колхозники пришли к нам и прикрепили к своим производственным бригадам.“

Эти первые весенние предпосылки разбудили меня от зимней спячки и заставили думать о том, что будет со мной весной...“

Хорошие примеры заразительны, и по стопам замитинговавшихся газет и лошадей спешат некоторые ретивые администраторы и руководители.

В Ртищеве издано обязательное постановление:

„О привлечении коров в весенне-посевную кампанию, принадлежащих коммунистам и комсомольцам района.“

Пункты гласят:

„РК ВКП(б) обязывает всех коммунистов района коров, находящихся в их пользовании, в суточный срок передать для использования на посевную кампанию. За отказ от передачи коров на посевную исключить из партии коммунистов.“

Не трудно догадаться, что промычали бы коровы на очередном митинге, если бы в Ртищеве был организован таковой. Но ртищевские руководители и редакторы бла. оразумно не дали развернуться самокритике.

Ртищевские руководители так же считают, как и лошади из „Поволжской правды“, что коровы, — хотя и коровы, — все видят и понимают, а следовательно — „левацкий“ загиб был бы безусловно разоблачен...“

Жаль-жалы! Вот когда бы действительно было полезно, пусть под видом митинга, но вскрыть вопиющее извращение линии партии в Ртищеве.

А. Аграновский.

Ю. Ганф

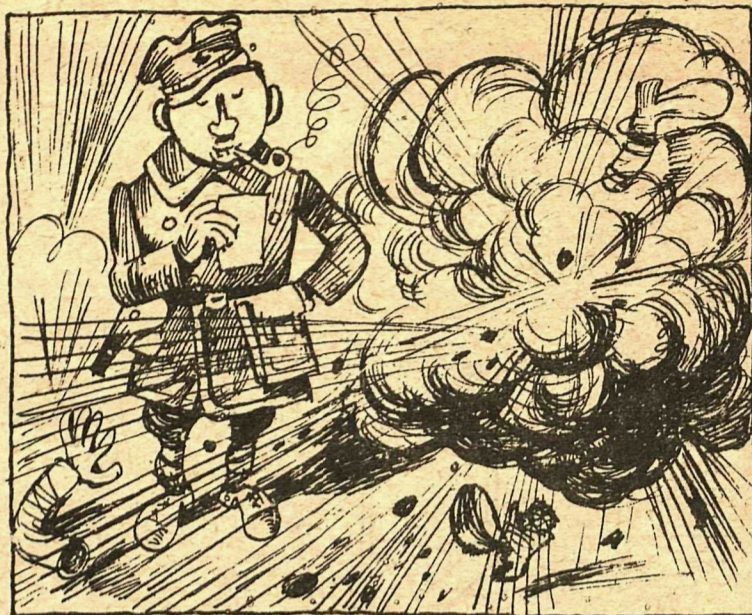

- Как вас изобразить, товарищ, — ударником или просто человеком?

Б. Антоновский

1. Он был бесстрашен. Во время охоты на тигров пульс его бился нормально, и подстрелить свирепого хищника было для него плевым делом.

2. Он не знал боязни. На войне он показывал чудеса храбрости. Музыка войны баюкала его.

3. Он вызывал удивление. Земля тряслась под его ногами, толчки достигали 12 баллов, а он преспокойно читал газету.

4. И только в трамвае он неожиданно почувствовал, что сердце его уходит в пятки. И непобедимый личный страх охватил храбреца.

Р Е Ч Н О Й П Л Я Ж

БЕРЕГ измучился от духоты,
Язык пожелтевший высунул.
От солнца избавиться рады б цветы,
Но — солнцем под ними лысина.

Похожа вода в реке на бульон
Наварист! (Такой бы на фабрике-кухне!)
Белье...
Человек... Человек... Белье...
И вновь человек потеет и жухнет.

Пляж «загоралами» облицован.
Тишь Пахнет жареным...
Это — что же?
Выстрел? У «друга здоровья» Стрельцова
С треском слезает седьмая кожа.

Левее река отливает тушью,
Чернее кофе становится с виду, —
Плещется тут волосатая туша —
На редкость плюшевый индивидуум!

Джунглями рук и лопаток пленив,
Проходит среди изумленных сотен,
И матово блещет, как чернослив,
В мутном речном компоте.

Тип прожаренный, как колбаса,
С астрономическим ражем
Не сводит бинокль четыре часа
С женского пляжа.

Художник? Скульптор? Спец записной
Цирка, кино, физкультуры, балета?
Нет! Так проводит свой выходной
Эстет-одиночка Павел Котлетов!

Кто-то, плывя на больших пузырях,
Приладил гигантский пробковый пояс
И все же трясется: «Здесь, говорят,
Ямы... так я... того беспокоюсь!»

А там пострадавшее тело несут...
(Глаза у сердечного были, что ль, слабы?
С разбега нырнул и... торчит на носу
Жестянка консервная с надписью «Крабы»).

Лениво топыря ижицу ног,
Некто, чей взгляд потрясает горек,
Полдня изучает свой мрачный пупок...
Кто он? «Писатель»? Или «историк»?

Мужчина дородный в кусточках прилег.
Сводка о речке дана управделом:

«Павел Петрович! Вода — самотек,
Но все же приемлема в общем и целом!»

И нежно рукой проведя по грудям,
Зав отдается силам стихийным, —
Он к речке спускается, обходя
Скопище тел, на вид беспартийных.

Пляж оживляется... Женский вопль:
«Ах, я тону!» (Глубина — полметра!)...
Шкет, деловито вытерев соплю,
Уверенно прет чьи-то новые гетры.

Мат обвивает ажурною лентой
Пейзаж и тела и туземку-корову...
И грохают дружно аплодисменты
По прохладным задкам пол-литровок.

А там вдаль, где вода светла,
Где струи прибрежную муть распороли,
Чьи-то бронзовые тела
Кроют размашистым, точным «кролем».

Они рассекают спокойно волну,
Течение замедлить их натиск не может.
Нет! Я не выдержу! С ними нырнул
Читатель! А ты, милый, что же?

Р. Роман.

О КОМАНДИРОВАННЫХ В СУЩНОСТИ ЛЮДЯХ

Фельетон Абраго

Рисунки К. Ротова

ЕСЛИ ВЫ, подтягивая за веревку отставшего друга, увидите на фирновых полях Эльбруса деловитую фигуру в меховой шапке, бредущую за унылым проводником, не думайте, что это скромный альпинист или знатный путешественник или просто экскурсант из ячейки ОПТ Наркомюста. Перед вами честный советский работник, пребывающий в служебной командировке.

По первой же просьбе он любезно предъявит мандат, в котором голубым по серому напечатано, что „предъявитель сего тов. Хлододонт командирован в район Эльбруса на предмет заготовки льда для дежурной аптеки № 6“. Аптека, как принято, просит „соответствующие горные организации оказывать ему всяческое содействие“.

Глядясь в голубые воды Теберды, которая, как известно, славится серебристой форелью, вы обнаружите на берегу, среди хаоса валунов и камней, юркого человечка в толстовке, обвешанного биноклями, фотоаппаратами на ремнях и просто ремнями как таковыми.

Если вы разговоритесь с ним, то узнаете, что он работник рыбного фронта и командирован

сюда Кооприбой для подготовки форелизации северных районов СССР.

На пестром старом базаре в Самарканде вы увидите потного толстяка в пробковом шлеме, который азартно роется среди цветистых халатов, голубых шелков и шупает короткими пальцами добротные бухарские ковры.

Не думайте, что это любитель старины. Это писатель из породы очеркистов, которых критики считают писателями, а писатели — критиками. Он командирован творческой литературной группой „Перелом“ для изучения быта дехкан верхнего Памира.

Вообще литература из командировок пока растет слабо, но зато буйно растут командировки из литературы. На карте творческих командировок Всесоюзного драматического окружения густым роем флажков взяты ими в плен Севастополь, Сочи, Гагры, Кисловодск и Чаква.

Драматурги оккупируют главным образом Черноморское побережье, а авторы малых форм предпочитают Севастополь с его физическими методами лечения.

„Перед вами честный советский работник, пребывающий в командировке...“

Установлено, что в Абхазии на Зеленом Мысу основное население состоит из драматургов и писателей. Кроме них там сохранилось еще несколько абхазцев, которые, однако, настолько ассимилировались, что начали писать плохие пьесы и очерки.

В командировки ездят целыми комиссиями, бригадами, эскадронами.

Бывало раньше, еще года два назад, в жаркие июльские дни вас поражала тишина в учреждениях: все были в отпуску. Теперь после постановления ЦКК РКК о равномерном распределении отпусков в течение всего года положение радикально изменилось. Вместо отпусков все начали ездить в командировки.

И в дни, когда жара расплавляет асфальт, вас снова поражает тишина в учреждениях.

Командированные устилают бронзовыми телами пляжи Ялты и Сестрорецка. Они вне очереди принимают нарзанные ванны в Кисловодске. На Одесском лимане это они, вкопанные по горло в целебную грязь, свободной рукой размахивают мандатом, требуя оказывать им содействие в исполнении возложенных на них обязанностей.

Но больше всего служебных поездок приходится летом в столицу Закавказской федерации. Военно-грузинская дорога напоминает

собой тогда Кузнецкий мост, по которому фланируют густые колонны командированных.

Некоторые останавливаются на самой дороге, в нависшем над скалой духане, который так и называется „Красный суточник“.

Они готовят материал по вопросу о постройке аэродрома в Дарьяльском ущелье („дано таковое тов. Робейко в том, что он...“) и собираются приступить к надстройке двух этажей над замком Тамары („просьба оказывать тов. Неробейко содействие в мероприятиях по увеличению жилплощади“).

Дарьяльским же ущельем в далекие доРАППовские времена проезжал А. С. Пушкин, который и открыл эпоху творческих командировок на Кавказ. Правда, он в отличие от других писателей авансов на поездку в редакции не брал и, что самое удивительное, отчет о поездке все-таки сдал, назвав его без всякого пафоса: „Путешествие в Эрзерум“.

Летний поток командировок принимает размеры стихийного бедствия. Люди с мандатами („оказывать содействие“) занимают целые железнодорожные составы, ломая графики расписания поездов, забывают доотказу волжские и черноморские пароходы, погружая их в воду ниже ватерлинии.

Считая, что бесплановости отныне должен быть положен конец, предлагаем следующие мероприятия по рационализации командировочного дела:

1. С 15 мая по 15 сентября по всем южным направлениям пускать специальные поезда для командированных.
2. В целях равномерного распределения командировок между основными районами Советского союза установить единую для всех ведомств и учреждений шкалу.

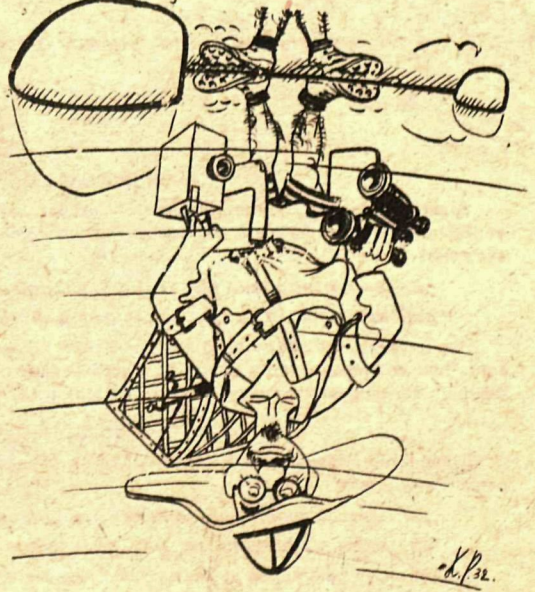
№№ п/п	Должность	Районы, в которых подлежит командирование	Цель командировки
1.	Руководители учреждений, их замы и замы	Кисловодск, Ялта, Сочи	По особым заданиям (пишется туманно, а потому многозначительно)
2.	Заведующие отделами, секторами и управлениями	Севастополь, Гагры, Железноводск, Сухум	Обследование недр, кролиководческих хозяйств и культурной революции
3.	Разъездные инструктора	Шафранавка (кумысолечение)	Ознакомление с состоянием конского поголовья
4.	Секретари и ниже	Липецк, Старая Ружа, Славянск, Борзово	По усмотрению непосредственно начальствующих лиц а также для борьбы с сусликами

3. В течение летней периода командировки в северном направлении (кроме арктических экспедиций) отменить как находящиеся в противоречии с § 1 настоящих правил.

4. Перед выдачей командировочных документов обязательно требовать представления справки лечащего врача, во избежание направления в геста, медициной для данкого лица противопоказанные.

К сожалению, авторы лишены возможности закончить изложение всех правил и мероприятий, только потому, что сами торопятся в командировку, что подписание и приложением печати удостоверяется.

Абраго.

„Глядясь в голубые воды Теберды, вы обнаружите юркого человечка...“

— Я люблю мир. Но пусть он принадлежит только мне!

Д Р Е Б Е З Г И

ЗА КОМПАНИЮ

В английском парламенте существует особая комиссия, действующая в контакте с епископом Кентерберийским, по редактированию молитв для воинских частей. На днях эта самая комиссия

„получила задание разделить молитвы на специальные для кавалерийских частей и специальные для частей пехотных“.

Надо думать, что специально кавалерийские молитвы будут комиссией отредактированы так тщательно, что в просьбах к всевышнему об успехах английской политики вместе с кавалеристами смогут принять участие и их лошади.

ПЕДАГОГ С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

Губернатор американского штата Небраска предложил учебному начальству во вверенном, ему штате

„не преследовать плотение учащихся к азартным играм и флирту, дабы удержать их от увлечения политикой“.

Если к этому еще добавить бесплатную выдачу каждому учащемуся бутылки водки, хорошо отточенного ножа за голенище и опытного гувернера из престарелых трамвайных воров, — за аполитизм некоторой части школьников можно поручиться заранее. И у губернатора впоследствии будут достойные преемники.

ЗОЛОТО И ПОДМЕТКИ

Одна из польских провинциальных газет высказала на днях предположение о том, что золотой кризис в некоторых странах можно было бы облегчить

„путем срезывания тонкого слоя на золотых ходовых монетах и накопления таким образом новых запасов золота“.

Срезывание монет находу — слишком непроверенный способ. Судя по навыкам польских финансистов, гораздо лучше придерживаться старого способа: срезывания подметок находу. И незаметнее и безответственнее.

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ ДЫБОМ

Даже буйные сумасшедшие в захолустном городке постесняются в послеобеденное время поднять дискуссию по вопросу о том, является ли удар кулаком по животу почтительным приветствием или это простая душевная ласка. А в Женеве одна из комиссий Лиги наций

„долгое время занималась выяснением вопроса, являются ли боевые самолеты и подводные лодки наступательным оружием, угрожающим местному населению“.

Результаты постановлений нам еще неизвестны. Скорее всего, для сохранения мира подводные лодки будут объявлены приборами для ловли бабочек, а бомбовозы — машинками для бритья.

В учреждении два лифта: один — для ответственных работников, другой, который обычно не работает, — для остальных.

Работники второго порядка становятся в длинную очередь к лифту и, терпеливо ожидая исправления капризной машины, читают громадную передовицу в древней стенгазете.

Более темпераментная публика рысью взбегает на четвертый этаж и, торопливо раскидав на столах папки с бумагами, тем же аллюром спускается в буфет-столовую и там с полчаса блаженно кейфует.

Затем степенно поднимается мимо очереди у лифта в свой этаж.

Бегло просматривает пару газет и начинает приводить в порядок разбросанные на столе бумаги.

Появляются посетители, а с ними и забота, как от них избавиться.

После одиннадцати часть сотрудников начинает беспокойно ерзать на стульях, а в одиннадцать пятнадцать направляется обедать.

Обычно идут группами в 4 человека. Двое становятся в очередь у касс, один — в буфет за огурцами, а четвертый — непосредственно в столовую, где и занимает места.

Лишь при таком организованном и заранее продуманном подходе можно в 40—45 минут отобедать. Неорганизованная и одиночная публика расходует на обед минимум час.

Начальники секторов и их заместители пользуются столовкой в исключительных случаях и тайным образом, чтобы не компрометировать своего чина и звания.

Эта группа работников пользуется привилегией получения за казенный счет бутерброда, который они благоговейно, как божья старушка просфору, с'едают при почтительном внимании остальных.

Наиболее горды и независимы работники управления делами, так как в их руках печать большая и малая (для пакетов), распределение квартир, выдача стандартных справок и малиновый чай для неотвественных работников.

В третьем этаже расположилась компактная группа начальников. Эта группа составляет плано-экономическое управление и разделяется на замначальников, помначальников и делопроизводителей.

Наиболее мощна группа помначальников, насчитывающая в своих рядах до двух десятков единиц.

Делопроизводителей — „один, один беднячекка, как рекрут на часах“.

Главная задача этого управления — составление планов распределения, но именно эта задача менее всего удается мощному коллективу начальников: например, в плане на 2-й квартал было сделано 22 ошибки из 28 возможных.

Один из „вождей“ этого управления тов. Карпей доказывал, что составляемые управлением планы служат лишь справочным материалом и, кроме того, места на эти планы не обращают внимания.

По этому поводу уже поступают рационализаторские предложения: заменить плановое управление обычным справочным бюро. Оно и дешевле и ошибок меньше, поскольку работать будет всего один человек.

В секторе проверки начальники отсутствовали. Замначальника был безжалостно разорван на две части: он одновременно замствовал в Союзмясо, ведая там сектором проверки.

Выпадали такие дни, когда он строгоныко мылил наркомснабовским мылом свою же союзмясовскую шею.

Наше внимание привлек бодрый баритон. Оказалось, — новый начальник санитарной инспекции доктор Томпаков выступал перед своими подчиненными с программной речью. Говорил он примерно, как поручик Дуб из „Похождений Швейка“:

— Вы еще не знаете меня... Вы еще узнаете меня... Что вы говорите. Бросьте чепуху нести. Что? Под суд отдам! Что?

Подчиненные с уважением смотрели на бойкого начальника, тихо улыбаясь в усы. Под конец, встав в картинную позу, начальник продекларировал начало санитарно-культурной революции пищевой промышленности, тесно увязав это событие со своей особой.

Наконец — четыре часа. Неотвественные тихо удаляются. Ответственные спешно свертывают заседание, закругляя прения. В это время действуют две враждебные группы: дачников и не-дачников.

У дачников на учете каждая минута; у противников желание поболтать еще с полчасика. Последние учитывают два момента: трамвай пока еще переполнен, и не поступила в продажу „Вечерка“.

Дачники кипятятся; не-дачники холодно предлагают закончить „это дело“ сегодня же. Вопрос решает принадлежность председателя к той или иной группе и состояние погоды.

В половине пятого представители местного констатируют отсутствие кворума на намеченных собраниях и, приятно улыбаясь, широко шагают к трамвайной остановке.

А. Каюров.

От редакции. «Крокодил» получил сведения, что это, как две капли воды, похоже на рабочие будни Наркомснаба, но редакция сомневается, чтоб все это действительно происходило, и ждет опровержения.

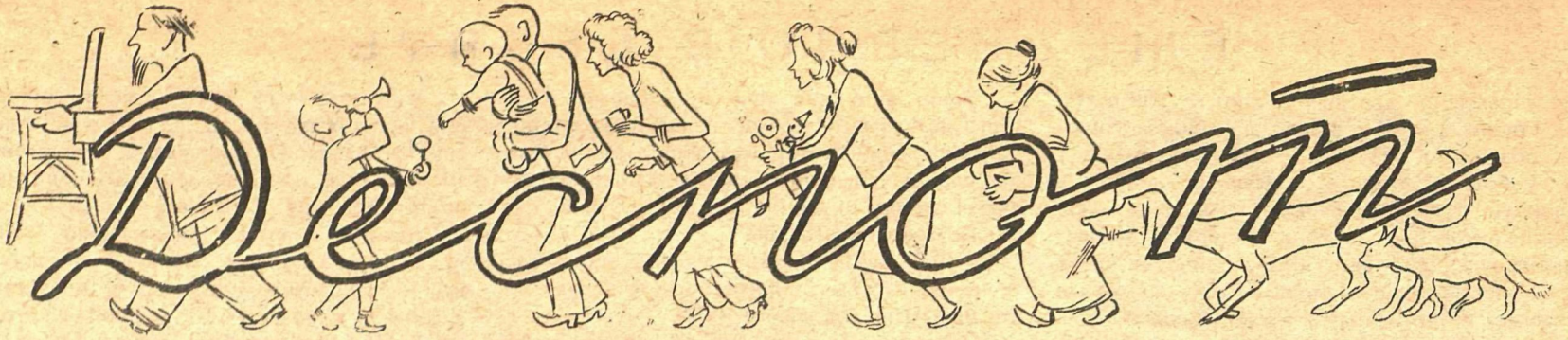
Редакция.

ВЫДЕРЖАННЫЙ ТОВАРИЩ

М. Храпковский

— А теперь, Марья Васильевна, после последнего фокстрота поставьте что-нибудь для идеологии.

Рассказ В. Ардова

Рисунки Л. Генца

ЭТО БЫЛО семейство серьезное, почти чопорное. В нем существовали известные традиции и ритуалы домашнего свейства, вроде точно установленных сроков обеда и чаепития или непременно присутствия всех в день рождения каждого из членов семьи. Главными жрецами разумного очага, на мой взгляд, были хорошо очищенный самовар — семейство Вымятниковых не соглашалось заменить его распространенным в наши дни чайником — да еще суконный мешок для прочтенных газет с вышитым немецким изречением, висевший на стене в общей комнате.

Но особенно взыскательно в этом доме относились к именам собственным. Само собой разумеется, что гостя здесь называли точно и без запинки, хотя бы он явился в первый раз и всего пять минут назад. Зато требовалась такая же внимательность и по отношению к хозяевам.

Потому-то, отправляясь к Вымятниковым, иной друг дома штудировал: отца зовут Геннадий Хрисанфович, мать — Серафима Николаевна, старший сын — Порфирий Геннадиевич, жена старшего сына — Калерия Руфовна, дочь — Зинаида Геннадиевна, младший сын — Хрисанф (в виду его возраста одно отчество, слава богу, отпадает). Далее: в доме была приятельница-соседка, обязательная участница чаепитий, Аделаида Викторовна, надо было помнить и это. Домашняя работница, почтенная старушка, звалась Лукерья Ивановна, даже жирного рыжего кота именовали Василием Финогенычем. Кроме того, был еще престарелый понтер Тамерлан Тамерланович, а вечно блестящий самовар в силу чьего-то остроумия был окрещен „Тит Титычем“. Друг друга члены семьи называли также точно по имени. Уменьшительные и ласкательные прозвища отсутствовали совершенно.

Надо, впрочем, сказать, что и вообще к слову отношение у Вымятниковых было бережное. Геннадий Хрисанфович (отец) постоянно цитировал латинских классиков и римское право. Зинаида Геннадиевна (дочь) ссылалась на французские поговорки. Хрисанф (без отчества: сын) к случаю приводил последние политические лозунги. Все члены семьи всегда договаривались начатые фразы и тщательно выводили задуманные интонации. Все у всех исправляли неправомерности и неточности речи, неверные ударения и синтаксические ошибки.

— Так не говорят, — часто слышалось в доме, — не „возражал о том, что“, а — „возражал на то, что“...

Я посещал это солидное семейство, но как это бывает в большом городе, визиты мои прекратились безо всякой причины и прекратились надолго — года на два. А потом, встретившись с Зинаидой Геннадиевной, я надумал вновь зайти в этот своеобразный дом.

По дороге к Вымятниковым я тщательно восстановил все необходимые для общения с ними сведения.

Итак: отец — Геннадий Хрисанфович, мать — Серафима Николаевна, старший сын — Порфирий, разумеется, Геннадиевич, жена сына — Калерия Ру... Рудольфовна? — нет, Руфовна, второй сын — Хрисанф, надеюсь, еще без отчества, соседка — Аделаида Викторовна, домработница — Лукерья Ивановна, кот — Василий Финогеныч, пес — Тамерлан Тамерланович, самовар — Тит Титыч. Уф, кажется, все правильно...

Когда я вошел, в общей комнате у стола хлопотала Серафима Николаевна: приближался час чаепития, и почтенная хозяйка подготавливала эту церемонию. Попеняв мне за длительное отсутствие, Серафима Николаевна обратилась к вошедшей Зинаиде Геннадиевне:

— Те Зи, — сказала она, — скажи Лулу, чтобы она подавала пфпф.

Эта тарабарщина была настолько вне обычаев дома, что я просто разинул рот. Но не успел я его „сзинуть“, как Зинаида Геннадиевна ответила:

— Бу, ты прекрасно знаешь, что Лулу сама принесет сейчас пфпф. Скажи лучше Хирику, чтобы он починил дззз.

— Зинаида Геннадиевна, что вы говорите? — пролепетал я.

— Как — что говорю?

— Ну, что озичают все эти „дззз“, „пфпф“, „Лулу“, „Бу“?

— А вы что же не знаете? „Пфпф“ — самовар...

— Тит Титыч?

— Да, да, он.

— А „Бу“ это — я, — продолжала Серафима Николаевна.

— Почему „Бу“? Откуда могла взяться такая кличка?

— Как — откуда? Ляпсик меня так называет,

— Кто-о?..

— Ляпсик... Ляпа... Да. Ведь вы у нас не были целую вечность. Вы даже не знаете, что существует на свете Ляпсик.

— Это что еще за „Ляпсик“? — сказал я, прикладывая ко лбу руку.

Серафима Николаевна ответила с гордостью:

— Ляпсик — это Николай, мой внук, сын „Па“ и „Ма“.

— Чей, чей сын?

— Па и ма. Моего сына Порфирия Геннадиевича и Калерии Руфовны. Ему уже два года.

Он уже разговаривает, всех называет по имени. Меня-то он и зовет „Бу“. Это значит — бабушка. Не правда ли, удивительно для 2 лет?

— Поразительно даже.

— А меня, — ввернула Зинаида Геннадиевна, — меня он окрестил „Те Зи“; сокращенно — тетя Зина, как учреждение. Подумайте, такой маленький, а уже умеет давать сокращенные названия.

— Поразительно. Но, по-моему, вы говорили еще какие-то слова? „Лу-лу“, что ли?

— Как же, как же, — отозвались сразу обе мои собеседницы, — „Лулу“ — это у него Лукерья Ивановна, наша работница. Правда, в ней есть что-то от „Лулу“?

Вспомнив облик коренастой и ворчливой Лукерьи Ивановны, я поспешно согласился:

— Ну, как же. Она — типичная Лулу.

В соседней комнате послышался голос Хрисанфа:

— Это еще что такое? — строго говорил он, — а ну, бапм, сию же минуту бапм!

Застучали об пол звонкие собачьи когти, и Хрисанф вошел, сопровождаемый престарелым Тамерланом Тамерлановичем.

— Что это ты, Хирик? — спросила Серафима Николаевна.

— Понимаешь, Бу... я вхожу и вижу: бака влезла на диван. Я ее согнал бапм.

— Стойте, — сказал я, — Хирик это, очевидно, вы — Хрисанф. Но что такое — „бака“ и „бапм“?

— „Бака“ это по Ляпсику — собака, Тамерлан.

А „бапм“ означает „на пол“. Когда его держат на руках, а он хочет, чтобы его поставили на пол, он так и говорит „бапм“. Не правда ли, очень остроумно? Бапм?

— Прелесть.

Зинаида Геннадиевна обратилась к брату:

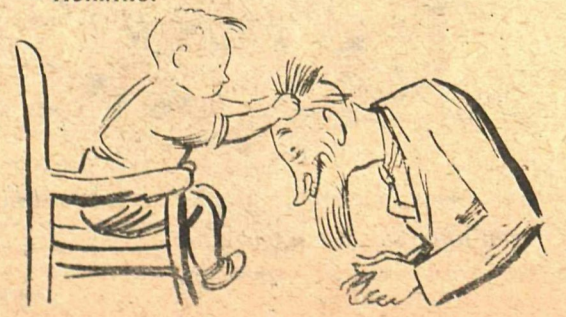
— Хирик, почини же, наконец, дззз.

Я бестактно вмешался:

— „Дззз“ это?

— Звонок. По Ляпсику. У нас испортился звонок.

— Понятно.

В это время появился глава семьи Геннадий Порфириевич. Поздоровавшись со мною, он спросил:

— Как насчет пфпф? Деда хочет чай пить.

Я удивился:

— Позвольте. „Дез“ это же — звонок. Как же звонок может пить чай?

— Нет, — отозвался глава семьи, — звонок — „дззз“, а то „Дез“. Дез — это уменьшительное от дедушки, то-есть — я. Но пора бы чай пить, граждане.

— И все-таки, Дез, вам придется обождать, — сказала вошедшая соседка Аделаида Викторовна. — Ляпсик купается, и воду из самовара взяли ему на банну.

Против моего ожидания это нарушение одного из самых крепких семейных обрядов вызвало голько общий вопль умиления.

— Купается? Что же мне раньше не сказали.

— Может быть, ему что-нибудь нужно?

— А комнату нагрели?

— Вода не холодна?

— Кто ж его купает?

Аделаида Викторовна отвечала всем сразу:

— Купается. Нагрели. Не холодна. С ним там „Па“ и „Ма“. Увидел меня и говорит: „Дюдю, кис-кис“.

Впрочем, выслушал эти ответы я один: остальные срочно отправились к месту происшествий.

— Догадываюсь, — сказал я. — Дюдю — это вы, Аделаида Ивановна.

— Ясно: А-де-ла-и-да — Дю-дю.

— А „кис-кис“, вероятно, почтенный Василий Финогеныч?

— Угу. Ляпсик очень любит сажать с собой в ванну кошек.

— Да, насколько я знаю, кошки не любят садиться в ванну.

— Представьте, и наш глупый кот каждый раз царапается.

Разговор наш был прерван гулом... Я не могу определить его иначе, как гул приближающейся процессии. Лукерья Ивановна с треском раскрыла обе створы двери: обычно дверь открывали только вполтину. В комнату направлялась вся семья. Вся семья как бы принимала участие в выходе монарха. Первым шел Геннадий Хрисанфович; он, нес высокое детское креслице внука, нес, как трон неограниченного семейного владыки. За ним вертелся находу Хрисанф, дудя в игрушечную деревянную трубу и потрясая бубенчиками: ни дать ни взять собственный шут его величества. Его величество, белообрый двухлетний Ляпсик, с носом, сдавленным обширными младенческими щеками и недовольным выражением лица, ритмично покачивал головкой на руках собственного отца. Королевские регалии — корона-чепчик и держава со скипетром — мячик и погремушка — были доверены матери и тетке Зинаиде Геннадиевне. Бу — Серафима Николаевна — плелась сзади, вертя ручку шкатулки-органчика, как собственный его величества оркестр.

Войдя в комнату, Геннадий Хрисанфович поставил „трон“ подле стенки. Такое местоположение для собственной персоны явно не понравилось властелину. Скрипя страшную гримасу, он разразился яростным плачем. Тотчас же несколько пар услужливых рук исправили оплошность деда: креслице было переставлено к столу. Но монарх все еще продолжал гневаться. Напрасно Геннадий Хрисанфович смиренно приблизился к внуку. Плач продолжался.

— Побей дедушку, — сочувственно сказала Те Зи.

— Побей дедушку. Побей его, — поспешно подхватили остальные. — Хорошенько его. Побей! Дедушка покорно пододвинул голову. Ляпсик злобно вцепился ручонками в его бороду.

— Э-э, — натужно простионали остальные члены семьи, — так его. Хорошенько его.

И на лицах у них проступил подхалимский и тревожный восторг царедворцев, присутствующих при расправе деспота.

В. Ардов.

Д Е Н Ъ В И З И Т О В

В ОТ И ДЕСЯТЬ лет стукнуло! — вспомнил я. — Как бы визитеров не понесло! Скучная это публика, визитеры. Придут, поцелуются, слопают все печенье, выкурят всю мажорку, и главное, — от дела оторвут; лучше уж я сам пойду к ним с визитами. Как говорится, лучше предупредить, чем лечить.

И нахлобучив от пыли огромные очки-«консервы», я деловито направился к начальнику строительства т. Гугелю.

1. ВИНОВНИКИ

— Принять! — услышал я, еще не успев постучать в дверь. Обрадованный таким любезным приемом, независимой походкой вхожу в кабинет.

— Принять решительные меры против перерасходования смет и ассигнований на строительство, — говорил он специальному совещанию, созванному по этому вопросу.

— Ага, сперва принять меры, потом уже меня. Ладно, я не гордый. Присел в уголке.

— При безобразном использовании рабочей силы, — продолжал тов. Гугель, — при выполнении плана за первый квартал всего на 53 проц., мы имеем колоссальные суммы перерасходования смет. Только по фонду зарплаты за первый квартал перерасходовали 877 тысяч.

Совещание глубокомысленно занялось поисками виновников. В пылу горячих дебатов были вскрыты и разоблачены первые виновники — московские журналисты. Да, да!.. Пятерка московских журналистов, оказывается, преступно пользовалась лошадьми Магнитостроя («овес-то ночью почем?»). Эта статья расхода тут же была торжественно ликвидирована. Дальше кто-то предлагал экономить чернила, кто-то рекомендовал сократить одну уборщицу...

Вилы мои стали нервничать. Ушел. Оставил визитную карточку с припиской:

*Игра здесь — нечет или чет?
Собрались взрослые ли, дети ли?
Слона, слона вы не заметили!
А слон-то, братцы, ховрасчет.*

2. ВОДОКАНАЛЬИ

Следующий визит — мартеновскому цеху.

— Просите! — услышал я громкое приглашение. Не дожидаясь пока меня попросят, я грузно ввалился в контору сам.

— Просите немедленно РКИ! — кричал инженер Нейланд. Я не могу больше с ними разговаривать!

— А в чем, собственно дело?..

«Нет повести печальнее на свете»!..

Три молодых инженера на мартене — Нейланд, Попов и Демаков предложили новый проект прокладки водосточных труб внутри здания по путям горячего разлива. По самым скромным подсчетам их предложение даст 100 тысяч рублей чистой экономии, сократит на 400 тонн потребность в дефицитных чугунных трубах и ускорит работу. Кроме того, в случае аварии не придется останавливать всех печей, что абсолютно неизбежно при первом проекте прокладки труб.

— Так чего же вы волнуетесь? Осуществляйте ваш проект и — дело с концом!

— В том-то и дело, что конец в Водоканалстрое. Технические руководители Водоканалостроя — Ванин и Ветр — тормозят это предложение.

Они упорно и сосредоточенно прокладывают трубы по старому проекту.

*И до сих пор идет сражение!
Водоканал ведет борьбу,
Оправдывая выражение,
Что «денежки летят в трубу».*

МОНОЛОГ ПОМНАЧА

На собрании ударников помнач Коксохимкомбината по производственным совещаниям потребовал наградить его ударной карточкой, хотя... план выполняется только на 18 проц.

Л. Генч

Д А, ХОТЬ в работе и плохи мы,
Хоть и отстаем в скоростях,
Но я — помнач по Коксохиму,
А это вовсе не пустяк!

В ходу — восьмая батарея.
Над батареей, знамя, рей!
А я бы вышить мог скорее
Одни хоть десять батарей!

Мои заслуги легендарны,
Неугасим мой жгучий пыл...
Так чем я, братцы, не ударник?
И чести я ль не заслужил?

Ведь я — герой. Ударный витязь!..
Но вдруг услышал он в ответ:
— На КАРТОЧКУ, помнач,
не льститесь,
Когда нам ясен ваш портрет!

ЭЛЛ.

— Ну и народ! Русским языком говорил ему — приходи через неделю! Так он же не понимает русского языка!

На стройке плохо используются иностранные специалисты. Отдел кадров железомонтажа, например, целый месяц не давал работы иностранному специалисту т. Виташскому.

3. НА ПАРОВОЗЕ — ЗА ОБЕДОМ

По пути с визитом в Землестрой заинтересовался экскаватором. Стоит экскаватор тихо, спокойно, никого не трогает. И его никто не трогает.

— Простой? — спрашиваю я.

— Зачем, простой? Заграничный. Не видишь марки?

— Нет, почему он не работает?

— Потому, что паровоза нет.

— А где паровоз?

— За обедом ушел.

— ???

— Ничего удивительного. Начальник движения Беликов приказал послать паровоз за обедом к фабрике-кухне № 1.

В самом деле, человек, отчаянно махавший руками, кричал вслед удалявшемуся машинисту:

— Смотри, чтобы обед не остыл! В топке его погрей, в топку!..

— Что он спьяну, что ли? — осведомился я.

— Какой ты догадливый, «Крокодил»! Не спьяну, а с похмелья. Пьют они у нас крепко склоченным треугольником. Начальник движения Беликов, начальник конторы Землестроя Катальский и прораб пути Шейкин. А за закуской паровозы посылают.

Я усмехнулся горькой эпитафией:

*Рассудок у Беликова неизведан,
И транспорту есть тут большая угроза:
Уж если послал паровоз за обедом,
То примус прицепит взамен паровоза!*

4. ЖЕРЕБЕЦ И ЗАРПЛАТА

От Землестроя взял курс на восток.

Вернее, на Востоксантехстрой. В конторе у окошка кассы нерешительно толпились люди.

— Почему нет зарплаты? Ведь вчера же висело объявление, что будет зарплата выдаваться.

— Десятый раз вам говорю, — надрывался кассир, — изменилась ситуация.

— Да ты на ситуацию, — ты нам деньги подавай!

— Деньги все вышли.

— Куда вышли? С кем вышли?

— С заместителем начальника конторы, с товарищем Романовым. На базар вышли.

— Что он их продавать понес, что ли?

— Наоборот, покупать будет. Жеребчика покупать. Жеребчик ему там приглянулся. Такая, говорит, симпатичная двухлетка.

Через несколько минут у крыльца раздался резвый понский топот, и тов. Романов легко спрыгнул со своей покупки.

— 1.150 рублей стоит, подлец! — весело сообщил он. — Что? Из какого фонда эти деньги? Это уж позвольте нам знать. Граждане, расходитесь. Не будет сегодня зарплата, не будет!

Уф, устал... Тяжело это быть юбиляром!

П. Майский.

КАДРЫ НА БОСУ НОГУ

(Школа Магнитогорского ФГУ 5-го участка)

С РЕБЯТАМИ-фабзайцами, задрав высоко нос, несколько не считается завзавшился завзав.

Семья фабзайцев мучится, исполнила тревог: вот — половина учится, другая ж — без сапог.

Ребята невеселые сидят на полути: где уж с ногами голыми учебный курс пройти?

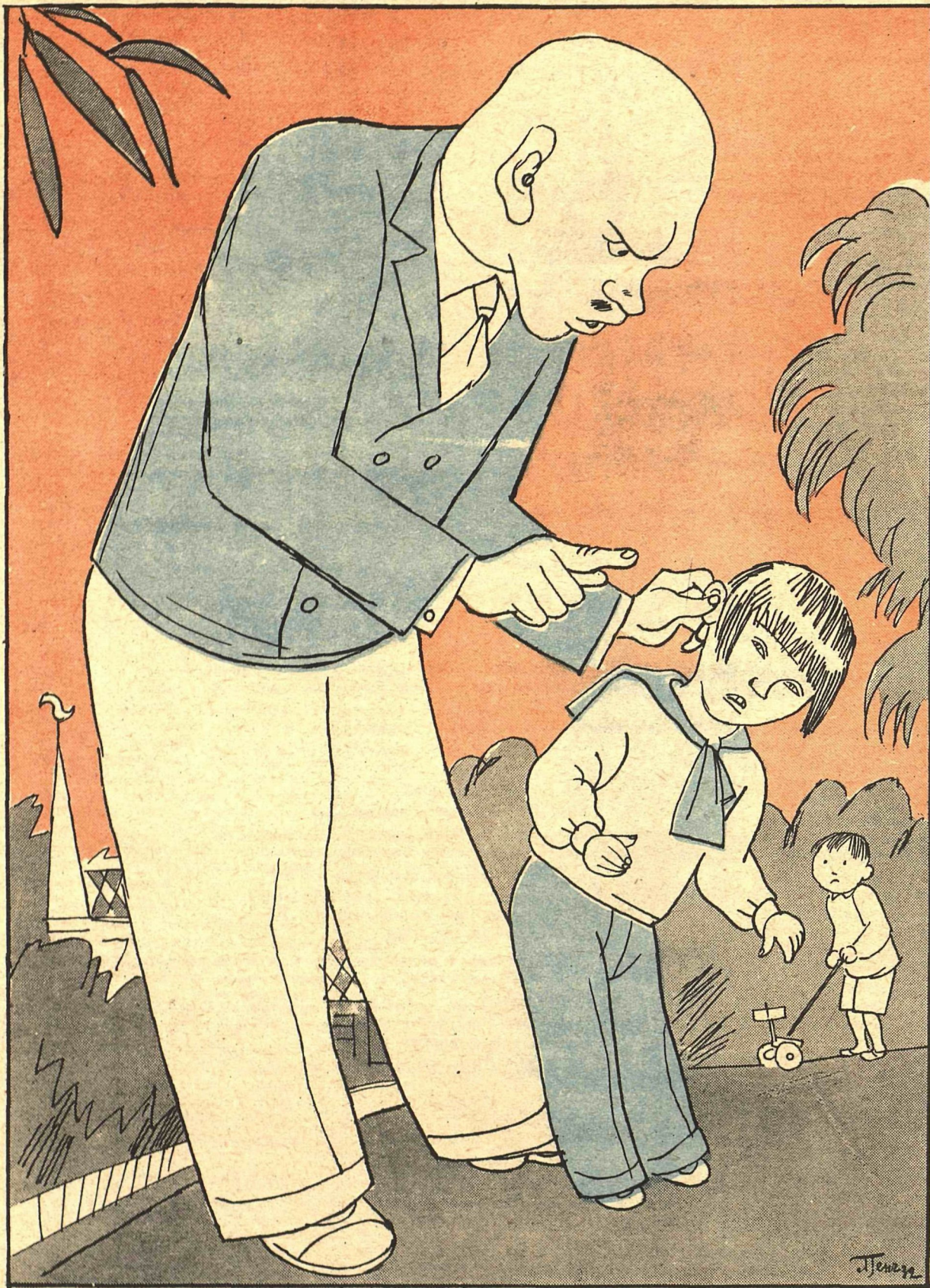
Гулин.

„ВЫТРЕЗВИТЕЛЬ“ В ЛЕСУ

В Сарангульском районе (Урал) колхозы посылают в леспромхоз на лесозаготовки провинившихся колхозников, пьяниц, лодырей и т. п., которые дезорганизируют работу.

Колхозы на рессеньях резвы, но в их посещенности изьянец: послать на лесозаготовки ПЬЯНИЦ поступок далеко не ТРЕЗВЫЙ!

Л. Генч

— Я т-тебе покажу, как играть с детьми беспартийных!

КАРЬЕРА АВТОМАТА

ЗА ГРАНИЦЕЙ изобрели недавно электрического человека. Человек был почти что, как настоящий. Нажмешь кнопку, — автомат заскрипит и сходит в магазин за колбасой, нажмешь другую, — помоет хозяйку спину мочалкой, нажмешь третью, — скажет: «Покойной ночи» или «Будьте здоровы».

О судьбе этого изобретения почему-то перестали писать заграничные газеты. Нам удалось выяснить из самых достоверных источников, что автомату надоело подневольное существование, он пробрался в СССР и устроился на службу в металло-скобяное отделение Центросоюза.

По утрам бывший автомат аккуратно приходит на службу, кланяется соседям, ворочает со скрипом мозгами и приступает к работе. Главным образом по планированию и распределению.

Недавно, например, вышеизложенный автоматический человек распределял сортовое железо по потребсоюзам республики. Когда список дошел до Бурято-Монгольской республики, в автомате что-то скрипнуло. Курьер отдела клянцется, что из него вывалился даже небольшой винтик, который был им выброшен в корзину с утилем.

Тем не менее на досадное недоразумение никто не обратил внимания, и автомат написал следующее отношение:

«Сообщаем вам новое распределение сортового железа на квартал. Означенное распределение производится нами согласно письма Стальсбыта. Первоначально вашему потребсоюзу было выделено 1,0 тонны сортового железа, а по изменению распределения количество это было изменено на 0,00

тонны, которое вам и отпускается. На это количество передайте разрядки местным конторам Стальсбыта или Снабам».

Получив предписание, бурятские кооператоры, не теряя времени на писание разрядок для получения «нуль, нуль, нуль тонны сортового железа», написали письмо в Центросоюз, в коем усомнились в умственных способностях работника, пославшего им это распределение.

Они, конечно, совершенно правы. Ничего подобного по штату автоматическим людям не положено.

Кстати, псевдоним бежавшего автомата — Кусов. О чем и сообщаем изобретателям для истребования бежавшей собственности.

Бен.

ПЕРЕПИСКА
С НЕИЗВЕСТНЫМИ

ВОПРОС. Можно ли на территории СССР продать по сходной цене живого человека, воспользовавшись для этого хорошей погодой и свободным временем?

ОТВЕТ. Теоретически — нет. Во всяком случае продажа живых людей как в целом виде, так и по частям не входит в задачи кооперативного сектора, но должны заметить, что частная инициатива на ст. Отар, Средне-Азиатской жел. дороги, шагнула уже в этом отношении вперед, и от имени администрации вывешено на доске объявлений следующее:

Сегодня 9 мая 1932 года назначаются торги для продажи бывшего заведующего Союзхлебком Лобцова. Торги будут у конторы Союзхлеба в 13 ч. дня.

Если у вас назрела необходимость спешно продать кого-либо из родственников, оппонентов на последнем общем собрании или соседей, рекомендуем сделать это только на упомянутой станции Отар. В других местах это запрещено.

ВОПРОС. Какими мерами легче всего спастись во время судебного процесса от собственного защитника?

ОТВЕТ. Лучше без применения огнестрельного и холодного оружия, а также сильнодействующих ядов. Физическое истребление собственного защитника на глазах у многочисленных свидетелей подчеркнет только бестактность обвиняемого и его несдержанный характер. Значительно тактичнее поступить так, как это сделал обвиняемый в Ашхабаде в разбазаривании хлеба гр. Добровский, который после речи своего защитника гр. Азадова заявил со скандалом подсудимых:

— Я целиком и полностью виновен; по моей вине произошло разбазаривание хлеба, а защитник говорит, что в моей работе не было и намека на халатность. Заставьте его взять слова обратно.

Правда, такое заявление не создает почвы для дружеского сближения между обвиняемым и его защитником вне судебного процесса, но очень эффектно и способствует веселому настроению в зале суда.

ВОПРОС. Является ли общественная уборная хозрасчетным предприятием, а если да, то как наиболее целесообразно регулировать взаимоотношения между нею и местным населением?

ОТВЕТ. Широкого актуального значения ваш вопрос не имеет. Минувя теоретические предпосылки по этому поводу, отсылаем вас к практике г. Саратова, где в саду «Липки» на общественной уборной висит плакат:

Мужская. Плата 10 н. за вход.

Никаких добавлений о том, отменены или нет контрамарки, не имеется. Рядом с мужской платной имеется бесплатная, где права гражданского населения ограничены еще более суровыми нормами:

Мочиться можно бесплатно, а оправлять не разрешается.

В остальных городах СССР коммунальный бюджет строится на доходах из других источников и к мелким привычкам местного населения относится более снисходительно.

ВОПРОС. Можно ли вместо лампочки повесить валенок, будет ли он светить, а также сколько стоит электричество, которого нет?

ОТВЕТ. Ваш вопрос застал нас врасплох. В большинстве населенных пунктов для электрического освещения употребляются исключительно лампы и не предпринимаются попытки использовать для этой цели молочные бидоны, подержанную обувь и колючую лососину. Только в Майкопе кооперация считает электролампы предметом, не подлежащим распространению среди населения. Там же трест «Коммунальный хозяйственник», снабдив абонентов проводами, регулярно взимает плату за электроэнергию, хотя из-за отсутствия ламп абоненты энергией не пользуются. Как измеряется темнота в жилых помещениях — метрами, литрами или пивными бутылками, — не знаем. Не подкованы в этом отношении.

ВОПРОС. А как насчет козы?

ОТВЕТ. Коза как таковая, в общем и целом, довольно симпатичное животное, которое при желании можно даже доить. Козла доить нельзя, потому что у него борода, и он этого не любит.

Более подробные сведения о козах вы можете получить у красноводского судьи Фокина, у которого есть свои тонко проверенные взгляды на козью чесь.

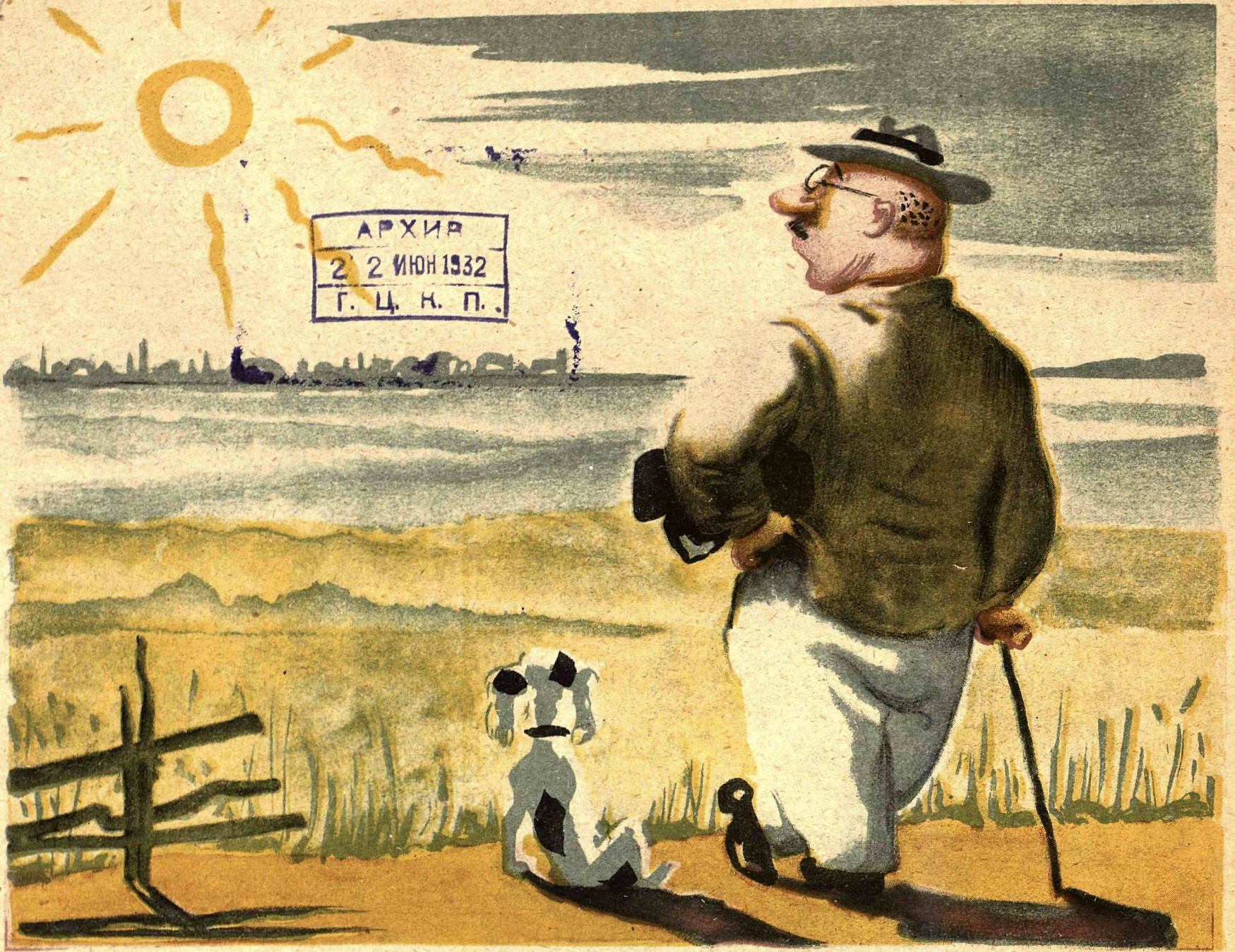
Так, получив от гражданина Т. заявление, что некий гражданин Алиев явно пытается соблазнить ее козу Лизу на незаконное сожителство, судья Фокин немедленно привлек означенного Алиева к ответственности за соблазн козы и на глазах у изумленного населения приговорил его к заключению на два года в домзак.

Таким рыцарским поведением судья Фокин сразу восстановил поколебленную репутацию козы Лизы, но Верхсуд приговор отменил. Мнение самой козы Лизы о судьбе Фокине нам неизвестно, а наше мнение можем послать вам отдельно заказным письмом. Сообщите ваш адрес.

ВОТ ДО ЧЕГО БЮРОКРАТ МОЖЕТ ДОВЕСТИ КРОЛИКОВ

Н. Радлов

— Три месяца я ломал голову, что здесь сеять — редиску или огурцы. И только сегодня эти головотяпы из центра сообщили, что сеять уже поздно.

ПРОСЬБА УДАРНИКА

Я — УДАРНИК и очень рад,
Что в стране меня уважают.
Меня всюду на всякий лад
На картинах изображают.

Кормят патокою стихов
Сладковзвучные влатоусты,
Расточая бисером слов
Под портреты мои и бюсты.

Мое имя везде висит
Полновзвучно и полноценно.
Я — ударник. Я — знаменит.
Это ясно и несомненно.

Это ясно и вам и мне.
Безо всякой медовой лести:

В нашей строящейся стране
Труд ударника — дело чести.

Одного не возьму лишь в толк:
Почему на иных картинах
Я угрюм и свиреп, как волк,
Или весел, как балерина.

Как увижу, так вот и прет...
Для кого эта злая прелесть:
Либо настезь корытом рот
Либо сжата по-жабьи челюсть?

И в стихах на все сто очков
Разукрасят, как идюта:
Я — не я, а Кузьма Крючков,
Я — подобие Дон-Кихота

Не малюйте меня «молодцом» —
Я не прежний хозяйский приказчик,
Не похож ведь я и лицом
На луну и фанерный ящик.

Рот и ноздри мои — на местах.
Не бываю таким я хмурым,
Как рисуют меня на страж
Добродетельно-мирным курам.

Не губите ж меня навек,
Дайте, братцы, пожить на свете, —
Я же тоже ведь человек,
У меня ведь жена и дети!

Павел Дружинин.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“. || АДР. РЕД.: Москва, Тверская, 8. Телефон 3-70-16. Прием ежедн. с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24 и 30 чисел каждого месяца. Подписная цена на журнал „КРОКОДИЛ“ — 60 к. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануальский, Л. Митницкий.

Зав. редакцией И. Абрамский.

Ответственный редактор М. Мануальский

Москва. Изд. № 592

Сдача текста и рисунков — 26/VI.

Подпись к печати — 7/VI.

Статформат А4—210×297 Печатных листов 2 1/2. Колич. знаков 100.000

Упсаномоч. Главлита № В—19197.

2-я тип. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“